

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.7>

Костылева Ирина Александровна

Типология жанра романа-биографии в русской литературе XX-XXI веков (на материале творчества Б. К. Зайцева и А. Н. Варламова)

Статья посвящена анализу жанра романа-биографии в русской литературе XX-XXI веков на примере творчества Б. К. Зайцева и его последователя в новейшей литературе А. Н. Варламова. Автор раскрывает конститутивные принципы этого жанра, подчеркивает его синкретическую природу, рассматривает причины обращения к жанру в настоящее время. Основная цель статьи - проанализировать специфику современной беллетризованной биографии в контексте отечественной историко-литературной традиции. Сравнительный анализ романов-биографий Б. К. Зайцева и А. Н. Варламова позволяет сделать вывод об устойчивости этой жанровой формы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/5/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 38-43. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Азизян И. А. Диалог искусств Серебряного века. М.: Прогресс-традиция, 2001. 400 с.
2. Бабич Е. В. Коммуникативные особенности поликодового художественного текста (на примере романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба»): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2017. 22 с.
3. Богатырева Н. А. Отечественные художники-иллюстраторы детской книги XX-XXI вв. М.: МПГУ, 2019. 120 с.
4. Ваксберг А., Герра Р. Семь дней в марте. Беседы об эмиграции. М.: Русский путь, 2010. 287 с.
5. Злыднева Н. В. Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения. М.: Индрик, 2013. 360 с.
6. Книга художника [Электронный ресурс]. URL: <https://kraevushka.livejournal.com/141653.html> (дата обращения: 11.04.2020).
7. Кознова Н. Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: осмысление исторического пути России: монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. 252 с.
8. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Азбука-классика, 2015. 600 с.
9. Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2016. 416 с.
10. Николаева Т. Н. Литературное наследие русских художников второй половины XIX – первой половины XX века: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2018. 30 с.
11. Письма К. С. Малевича разным адресатам [Электронный ресурс]. URL: <https://design.wikireading.ru/8233> (дата обращения: 22.02.2020).
12. Свиридова О. Профессионализация в театре [Электронный ресурс]. URL: <http://origam.ru/professionalizatsiya-v-teatre.html> (дата обращения: 22.02.2020).
13. Сеславинский М. Русские художники во французском книгоиздании первой трети XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://seslavinsky.ru/articles/rossiya-frantsiya-poluzabytye-stranitsy-kulturnogo-sotrudnichestva/> (дата обращения: 22.02.2020).
14. Уилсон Э. Богема: великолепные изгой. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 560 с.
15. Шухаев В. И. Воспоминания // Горький и художники: воспоминания, переписка, статьи / сост. И. А. Бродский. М.: Искусство, 1964. С. 20-30.
16. Юхнова И. С. Общение и диалог в творчестве А. С. Пушкина: монография. Саранск – Арзамас: Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский фил., 2014. 201 с.

**“Artist’s Book” – Creative Union of a Writer and a Painter
 (“Boris Godunov” by A. S. Pushkin and V. I. Shukhaev)**

Kapitsa Vera Fedorovna

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
kapicavera@mail.ru*

By the material of V. I. Shukhaev’s “artist’s book”, the paper examines the phenomenon of the “artist’s book”, analyses illustrations that form single intermedial space with the literary text. For the first time, V. I. Shukhaev’s illustrations for “Boris Godunov” are analysed. It is shown that the painter can be rightfully considered a “co-author” of the great Russian poet, his illustrations supplement the poetical text and contribute to creating a polycode composition in which the dramaturgic text is represented as a visual image that combines textual and scenic elements.

Key words and phrases: “artist’s book”; XX-century culture; dialogue of arts; text; visuality; A. S. Pushkin; V. I. Shukhaev; illustrations for “Boris Godunov”.

УДК 82-312.6

Дата поступления рукописи: 04.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.7>

Статья посвящена анализу жанра романа-биографии в русской литературе XX-XXI веков на примере творчества Б. К. Зайцева и его последователя в новейшей литературе А. Н. Варламова. Автор раскрывает конститутивные принципы этого жанра, подчеркивает его синкретическую природу, рассматривает примененные обращения к жанру в настоящее время. Основная цель статьи – проанализировать специфику современной беллетризованной биографии в контексте отечественной историко-литературной традиции. Сравнительный анализ романов-биографий Б. К. Зайцева и А. Н. Варламова позволяет сделать вывод об устойчивости этой жанровой формы.

Ключевые слова и фразы: роман-биография; художественная биография; Б. К. Зайцев; А. Н. Варламов; В. С. Соловьев; М. А. Булгаков; импрессионизм; Серебряный век; документ.

Костылева Ирина Александровна, к. филол. н., доц.

*Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
vlsu@vlsu.ru*

**Типология жанра романа-биографии в русской литературе XX-XXI веков
(на материале творчества Б. К. Зайцева и А. Н. Варламова)**

Жанр романа-биографии, литературной или беллетризованной биографии был распространен и достаточно популярен в мировой литературе XX века. Примерами являются произведения Р. Роллана («Жизнь

Бетховена», «Жизнь Микеланджело»), С. Цвейга («Бальзак»), А. Моруа («Байрон», «Жорж Санд»), И. Стоуна («Жажда жизни», «Моряк в седле») и др. В России к подобному жанру в первой половине XX века обратились Б. К. Зайцев («Жизнь Тургенева», 1932; «Жуковский», 1951; «Чехов», 1954), В. Ф. Ходасевич («Державин», 1931), Н. Н. Берберова («Чайковский. История одинокой жизни», 1936), М. А. Булгаков («Жизнь господина де Мольера», 1933), Ю. Н. Тынянов («Кюхля», 1925; «Смерть Вазир-Мухтара», 1928). Интерес писателей и читателей к жанру художественной биографии отразил важные тенденции мировой и отечественной литературы XX века с интересом к психологии и судьбе выдающейся личности, ее роли в идеологической и культурной картине мира в эпоху глобальных перемен, социальных и политических потрясений. Документальная литература приобретает все большую популярность в новом столетии как новая форма, далекая от открытого вымысла. Этот процесс «смены вех» в пространстве культуры достаточно ярко проявился в последние десятилетия XX века и в начале XXI столетия (см. современную документальную драму), что и объясняет *актуальность* настоящего исследования.

Научная новизна статьи обусловлена сравнительно-историческим анализом романов-биографий Б. К. Зайцева и А. Н. Варламова с разных точек зрения: жанровой специфики, особенностей авторского мировоззрения, стилистического своеобразия, проблемы соотношения автора и героя и т.д. *Цель* исследования – показать типологическую близость беллетризованных биографий Б. К. Зайцева и А. Н. Варламова. Цель определила *задачи* исследования: обосновать устойчивую природу жанра романа-биографии, осмыслить наличие в нем типологически значимых структурных элементов, которые проявляются в творчестве писателей, принадлежащих к разным историческим эпохам и литературным направлениям, что позволяет говорить о сохранении классической традиции в эпоху постмодерна.

В процессе сравнительно-сопоставительного анализа романа Б. К. Зайцева «Жизнь Тургенева» и романа А. Н. Варламова «Михаил Булгаков» ставились и рассматривались такие частные задачи, как соотношение героя и эпохи, автора и героя, документальной точности и художественной выразительности, специфика сюжета, проблема психологизма, проблема судьбы. При рассмотрении романов-биографий использовались принципы целостного изучения художественного произведения, а также сравнительно-исторический *метод*.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты могут быть использованы при подготовке спецкурсов, посвященных творчеству Б. К. Зайцева и А. Н. Варламова, при разработке общих и специальных лекционных курсов, в проведении практических занятий по русской литературе XX века, в процессе дальнейшего изучения отечественной словесности рубежа XX–XXI веков в типологическом аспекте.

Значительное место в истории жанра романа-биографии занимают художественные или беллетризованные биографии Б. К. Зайцева, ставшие своего рода эстетическим каноном для российской прозы. Беллетризованным биографиям Б. К. Зайцева «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов» посвящены многочисленные исследования и рецензии Г. Струве, Ф. Степуна, П. Бицилли, Н. Берберовой. Первой научной монографией в этом плане является исследование А. Шилиевой «Борис Зайцев и его беллетризованные биографии» (Нью-Йорк, 1971). Из наших современников к этой проблеме обращались Н. Н. Жукова, Н. И. Завгородняя, О. А. Кашпур, Л. Н. Назарова, А. В. Громова и др.

Все рецензенты отмечают высокий эстетический уровень беллетризованных биографий Б. К. Зайцева, соотнося их в первую очередь с жанром романа, а не научного исследования. При всей документальной точности беллетризованных биографий основное внимание писатель уделяет задаче эстетической, которую и преследует романистика, – воссозданию внутреннего мира художника, истоков и психологии его творчества, обусловленных множеством связей. Как правило, Б. Зайцев создает целостный образ мастера слова, прибегая к средствам художественной литературы, используя свои собственные поэтические приемы, в том числе и импрессионистические (опора на первичный чувственный образ, стремление создать определенное настроение, интерес к пейзажу, лиризм, метафоричность и т.д.).

Общепризнанной вершиной среди биографических романов Б. К. Зайцева считается «Жизнь Тургенева» (первое книжное издание 1932 г.). Автор объединяет в произведении все типологически значимые черты жанра беллетризованной биографии: преследует информативные, познавательные и одновременно эстетические цели, оперирует документами, стремясь объективно их интерпретировать, не допускает вымысла, но использует право на личное видение героя писателем, воссоздает его психологический облик, прослеживает путь духовного развития, придерживаясь хронологического принципа изложения. Детально воссоздавая жизненный путь писателя (на основе его воспоминаний, очерков, писем, мемуаров современников, позднейших исследований), его родословную, взаимоотношения с родными и друзьями, становление творчества, почти сорокалетнюю историю любви к Виардо, Зайцев все подчиняет своей главной цели – раскрытию внутреннего мира писателя, истории его души, что является прерогативой романа, а никак не задачей научного исследования.

Помимо этих принципов, в «Жизни Тургенева» присутствуют и другие типологические признаки, свойственные художественной литературе: образность, сквозной романский сюжет (история любви Тургенева к Полине Виардо), многочисленные лирические отступления. Но главенствует над всем личность самого автора – Б. К. Зайцева – «поэта прозы», импрессиониста, поклонника учения В. С. Соловьева. Б. К. Зайцев создал свой образ И. С. Тургенева. Ф. Степун писал, что в романе «важен и интересен не образ всем известным людям известного Тургенева-западника, либерала, позитивиста, но иной, как бы ночной образ Тургенева, с его страхами, страстями, печалью и причудами. Этот образ заинтересовал Бориса Зайцева в связи с его собственными проблемами» [10]. Такой неожиданный облик хрестоматийного писателя стал подлинным открытием в литературе и показал огромные возможности беллетризованной биографии как синтеза разных жанров: романа, мемуаров, эпистолярного жанра, исторического исследования.

Роман «Жизнь Тургенева» в немалой степени проникнут философским учением В. С. Соловьева, его идей Вечной Женственности (см. Б. Зайцев «Соловьев нашей юности»). Концепция любви В. С. Соловьева гармонично воплотилась прежде всего в раннем творчестве писателя («Аграфена», «Миф», «Голубая звезда»), который вслед за философом раскрывает двойственный характер этого чувства, сочетание в нем земного и небесного (Афродита земная и Афродита небесная). Об идее и образе Вечной Женственности, о мистике женственного в философии В. С. Соловьева поздний Б. К. Зайцев отзывается критически, но в романе «Жизнь Тургенева» он отразил это идеальное женственное начало, царящее в мире. Как пишет Зайцев, «любовь, поклонение женщине наполнили всю жизнь Тургенева, сопровождали до могилы» [5, с. 29]. Любовь представляла для него в двойственных образах, в двух видах: в виде Афродиты-Пандемос и Афродиты-Урании. «Простонародная» Афродита связана с крепостным бытом и укладом. Повесть «Первая любовь» – это первое явление Афродиты – Урании, любви небесной, истинной.

Важнейший мотив романа «Жизнь Тургенева» – любовь писателя к Полине Виардо. Любовь для Тургенева – чувство мистическое, у нее божественное происхождение; он был убежден, что в глазах любимой женщины есть нечто сверхчувственное. Б. К. Зайцев пишет: «Отказаться от предельного взгляда на любовь значило для него отказаться от себя и своего писания. Он не только считал, что видит Божество в глазах любимой, но полагал, что любовь вообще расплавляет человека, как бы изливает его из своих обычных форм, заставляет забывать о себе и выводит из личности, соединяя с бесконечным» [Там же, с. 141]. Образ Полины Виардо в романе «Жизнь Тургенева» становится воплощением Вечной Женственности, проникнутым мистической тайной и обладающим силой неземного тяготения, а история любви писателя к ней – история трагедии человеческой любви, «бессильной удержать свой истинный предмет и все более и более удаляющейся от него» [9, с. 342].

«Жизнь Тургенева» свидетельствует не только о том, что Б. К. Зайцев – поклонник В. С. Соловьева, но и художник, испытавший сильное влияние поэтики символизма, импрессионист. Этот «роман судьбы» наполнен не только мистическими знаками и образами, но и проникнут характерным для писателя настроением грустного лиризма, светлой печали, меланхолии. Эту лирическую мелодию создают поэтические пейзажи, словесная живопись, музыкальность фразы, многочисленные инверсии, повторы, ассонансы и т.д. Например, первая глава романа под названием «Колыбель» открывается характерным зайцевским пейзажем: «Орловская губерния не весьма живописна: поля, ровные, то взбегающие изволоками, то пересеченные оврагами; лесочки, ленты берез по большакам, уходящие в опаловую даль, ведущие Бог весть куда. <...> Поля к июлю залиты ржами поспевающими, по ржам ветер идет ровно, без конца, без начала, и они кланяются, расступаются тоже без конца-начала. Васильки, жаворонки... благодать» [5, с. 21].

Описание первой тургеневской любви также проникнуто лиризмом, свойственным многим страницам романа: «Первая истинная его влюбленность прославлена им же самим. Испытав полуребенком чувства высокие и блаженно-мучительные, в зрелости создал он из них лучшее свое произведение. <...> С детских лет видишь и как бы насквозь знаешь парк с домом Зинаиды, соседки по даче с Тургеневыми в Нескучном (под Москвою). И ее самое знаешь, всегда в таинственной прелести, в печали и ослеплении любви, и мучительно-сладкую любовь мальчика – его мечтания, надежды, слезы, ревность, подозрения» [Там же, с. 30]. Образу Тургенева – великого поэта в прозе – соответствует в высшей степени поэтический стиль всего романа, в котором гармонически уравновешены форма и содержание. Можно утверждать, что «Жизнь Тургенева» – одна из вершин в истории жанра беллетризованной биографии в русской литературе XX века.

В начале XXI столетия мы наблюдаем возрождение интереса к жанру романа-биографии, что обусловлено эпохой рубежа веков, эпохой перемен. Это роман «Пастернак» Д. Быкова, «Подельник эпохи: Леонид Леонов» и «Есенин» З. Прилепина, «Венедикт Ерофеев: посторонний» О. Лекманова, М. Свердловца, И. Симановского и др. Традиции жанра беллетризованной биографии, созданного не без влияния Б. К. Зайцева, можно проследить в романах-биографиях А. Варламова: «Пришвин, или Гений жизни: Биографическое повествование», «Александр Грин», «Алексей Толстой», «Андрей Платонов», «Михаил Булгаков», «Шукшин». А. Варламов прямо называет себя последователем Б. К. Зайцева в жанре литературной биографии и сторонником классического направления в литературе в целом. Совершенными в художественном плане для писателя с точки зрения поэтики биографического жанра являются книги В. Ходасевича о Державине и Б. Зайцева о Жуковском, Тургеневе и Чехове [3]. Их традиции он и продолжает, не изменяя собственной творческой манере, тем более что сам писатель всегда был достаточно традиционен в своих произведениях (см. «Рождение», «Дом в деревне», «Купавна», «Мысленный волк») и считал себя реалистом и почвенником [6].

А. Варламов, как и Б. Зайцев, соединяет в своих романах-биографиях, романах-жизнеописаниях черты точного документального исследования и художественного текста, стремится понять судьбу своих героев, их связь с эпохой, происхождение таланта. По мнению писателя, этот жанр позволяет увидеть историю сквозь призму человеческой личности, понять соотношение Промысла, предопределения и судьбы, вселилен ли фатум, или его власть можно преодолеть. Еще одна причина его обращения к роману-биографии, литературе non-fiction – возможность избавления от стереотипов, мифологизма и схематизма в оценках. Возникший интерес современной литературы к художественным биографиям писатель объясняет «тоской по большому стилю», утраченному в современной художественной прозе [3]. Таким образом, А. Варламов выступает в этом жанре в разных ипостасях: как историк, социолог, филолог, психолог, романист. Следует отметить безусловный интерес писателя к эпохе Серебряного века, его представителям и наследникам в литературе (М. Пришвин, А. Н. Толстой, М. Булгаков), философии (В. Розанов) и истории (Г. Распутин) [1].

К числу лучших романов-биографий А. Варламова относится роман о М. Булгакове, о его судьбе. Как и образ И. С. Тургенева в беллетризованной биографии Б. К. Зайцева, личность М. Булгакова проникнута

культурой Серебряного века, его настроением, мистицизмом, интересом к иррациональному. Роман о М. Булгакове – роман судьбы, где, невзирая на отсутствие вымысла, документальность в изображении эпохи и частной жизни писателя, обязательную для произведений подобного рода хронологию, господствует мистическая магия Судьбы. Сам М. Булгаков в романе Варламова становится героем Серебряного века, его наследником, человеком, чуждым советской эпохе и обреченным на экзистенциальное одиночество [2].

Как пишет А. Варламов, мифологема, понятие судьбы является «сутью, смыслом, двигателем» жизни М. Булгакова. Автор приводит строки из письма писателя П. С. Попову: «Я ни за что не берусь уже давно, так как не распоряжаюсь ни одним моим шагом, а Судьба берет меня за горло», – и резюмирует: «Слово “судьба” написано с прописной буквы, и это, по сути, момент осознания человеком той высшей силы, что его ведет, ломает, гнет, подчиняет себе» [4, с. 131]. С этой точки зрения, «Кабала святош» – очень личное, символическое произведение М. Булгакова, основная идея которого заключается в неизбежной (прижизненной) победе судьбы над человеком и его посмертной реабилитации. Автор романа о М. Булгакове прослеживает, как и Б. К. Зайцев, нелегкий жизненный путь писателя, где так называемая творческая эволюция – следствие напряженного поединка личности с эпохой, собственной слабостью и, конечно, судьбой.

Роман Зайцева о Тургеневе – это тоже «роман судьбы», в котором присутствует мистическое начало, обусловленное как характером творчества самого И. С. Тургенева, так и авторской концепцией Б. Зайцева-символиста, влиянием философии В. Соловьева и в целом тенденциями и умонастроениями Серебряного века. Б. К. Зайцев, размышляя о судьбе И. С. Тургенева, цитирует одно из его любимых изречений: «Несомненно в жизни одно лишь несчастье», – правда, не соглашаясь с ним, так как И. С. Тургенев не был обделен ни прижизненной славой (в отличие от Булгакова), ни женской любовью. Последняя глава романа «Жизнь Тургенева» называется символично – «Судьба». Завершая роман и подводя итоги тургеневской биографии, Б. Зайцев пишет о его мучительной смерти с христианских позиций: «Всю жизнь стремился он к счастью, ловил любовь и не догнал. Счастья не нашел, смерть встречал в муках; точно бы подтверждался страшный взгляд его на жизнь. Но в действительности никак не подтверждался, ибо последней его судьбы, последней глубины бытия его мы не знаем» [5, с. 176]. Жизнь и судьба М. Булгакова предстают гораздо более трагическими и не только в связи с его личными обстоятельствами – он был человеком едва ли не самого трагического века в истории русской цивилизации и автором одного из самых трагических русских романов XX века – «Мастера и Маргариты». По мнению Варламова, жизнь Булгакова была трагедией в подлинном, античном смысле слова.

Важное место в романе Варламова, как и в «Жизни Тургенева», занимают сюжетные линии, связанные с частной жизнью М. Булгакова. Композиционно роман состоит из трех частей, названных именами любимых женщин писателя: «Татьяна», «Любовь», «Елена». Соловьевская концепция любви, свойственная биографии Тургенева и отчасти творчеству Б. Зайцева, явно не присутствует в романе Варламова, но она обнаруживает себя в контексте третьей части, где речь идет о Елене Сергеевне Шиловской-Булгаковой как прообразе Маргариты. Эта проблема влияния В. Соловьева на творчество М. Булгакова, в частности на роман «Мастер и Маргарита», имеет место в булгаковедении. В свое время об этом писали М. О. Чудакова, Б. В. Соколов, И. Л. Галинская, Н. Гаврюшин и др. Рассматривая историю создания романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», Б. В. Соколов среди источников произведения называет работы В. С. Соловьева [8]. И. Л. Галинская в своем исследовании «Загадки известных книг» также подчеркивает влияние философии В. С. Соловьева на автора популярнейшего романа XX века; она утверждает, что М. Булгаковым воплощена в образе Маргариты так называемая теологема Софии – Вечной Женственности, восходящая к Г. С. Сковороде и В. С. Соловьеву.

Роман А. Варламова, как и беллетризованная биография «Жизнь Тургенева», завершается описанием смерти М. Булгакова и по законам жанра, и в соответствии с авторской концепцией жизни и смерти: понять человека можно, только зная, как он умер. В финале романа завершается мистический поединок героя и судьбы, находят сюжетное и логическое разрешение основные проблемы произведения. Одна из важнейших – проблема веры и неверия, что также возвращает нас к роману Б. К. Зайцева. Всем романам-биографиям Б. Зайцева свойственна эта актуальная для писателя и для Серебряного века в целом проблема, во многом обусловленная ревизией устоев христианства, отказа от канонического Православия на рубеже веков. По мнению автора, И. С. Тургенев не был вполне верующим человеком. Зайцев наделяет своего героя мистическими ощущениями: «...будто сквозь обычный мир давал о себе знать и другой, таинственный и недобрый... Высшая сила для него слепа и безжалостна... Правда, он написал Лизу в “Дворянском гнезде”. Что-то иное брезжило и ему. Но помолиться с Лизой в церкви он не мог» [5, с. 141]. Можно сделать вывод, что Тургенев как мистический писатель является предшественником русского символизма, чем он был очень близок своему биографу.

А. Варламов также в романах-биографиях ставит вопрос о религиозности своих героев – М. Пришвина, А. Платонова, В. Шукшина. По его словам, «драматургия жизни» многих писателей содержит в себе отход от веры и возвращение к ней в конце пути. Как и Б. Зайцев, А. Варламов вопрос веры считает краеугольным. В романе о Булгакове – это «центральная коллизия личности» (А. Варламов). М. Булгаков в письме правительству в 1930 году называл себя мистическим писателем, и вопрос веры был для него очень непросто. Как пишет А. Варламов, он был человеком XX века, впитавшим все его соблазны: «Он воспитывался и рос в тех условиях, когда вместо отцов Церкви и жития святых предлагались Ницше, Вагнер, Дарвин, богоискательство, оккультизм, сектантство, мистика, да плюс еще кокаин и морфий... и Булгаков, несомненно, пропускал все это через самое сердце» [4, с. 46]. В связи с этим можно отметить, что все крупнейшие писатели XX века решали для себя в той или иной форме этот вопрос, даже в период торжества политики воинствующего атеизма: М. Горький, А. Платонов, Л. Леонов, М. Шолохов и другие. Г. Адамович, оценивая вклад

русского зарубежья в историю русской литературы, писал в статье «Одиночество и свобода», что эмигрантская литература осталась христианской по своему духу.

В романе «Михаил Булгаков» автор, подчеркивая роль судьбы в биографии своего героя, очень пронзительно заметил, что все испытания в жизни М. Булгакова, не сумевшего эмигрировать и вынужденного приспособиться к советскому режиму, в конечном счете, привели его к главным вопросам: о Боге, вере и неверии – к роману «Мастер и Маргарита», который мог быть написан только в России. Трудно не согласиться с А. Варламовым, что «Мастер и Маргарита» – наиболее безысходное произведение в русской литературе, так как это роман о «исчерпанности христианства в родной стране» (А. Варламов), написанный художником, утратившим веру в Бога, в должный миропорядок, в разумного человека, в важнейшие онтологические ценности, кроме своей трагической судьбы.

А. Варламов более чем категоричен в оценке булгаковской веры: по его мнению, Бог для писателя умер, и от Христа-Спасителя остался бродячий философ, добрый человек Иешуа. И тем не менее, вопреки собственным утверждениям, до конца соглашаться с этой концепцией он не может, да и не хочет, полагая, что евангельская история для М. Булгакова – «точка спасения». Завершая свой роман об одном из самых противоречивых писателей XX века, чем-то неуловимо похожем на И. С. Тургенева, он, как и Б. Зайцев, пишет о смерти своего героя, который умер в Прощеное воскресенье. И в этом писатель тоже усматривает знак судьбы [2].

В заключение следует отметить, что, несмотря на принадлежность к разным историко-литературным периодам, идейно-эстетическим концепциям, различия в мировоззренческом, стилистическом плане, существует определенная типологическая близость беллетризованных биографий Б. К. Зайцева и А. Н. Варламова. Это типологическое сходство обусловлено обращением к общему жанру роману-биографии, главные принципы которого были воплощены в творчестве одного из родоначальников жанра в отечественной литературе – Б. К. Зайцева. А. Н. Варламов может быть охарактеризован как наследник зайцевской традиции в русской литературе Новейшего времени с точки зрения жанра художественной биографии, к которому он обращался неоднократно в своем творчестве. Подобное сходство указывает как на устойчивость данной жанровой формы, так и на определенную типологическую творческую идентичность, на сознательную авторскую установку.

В начале XXI века, в ситуации различных литературных экспериментов, синтеза реализма и постмодернизма, приведших к эстетической эклектике, А. Н. Варламов в своем обращении к жанру романа-биографии (и не только) опирается на принципы, заявленные и апробированные писателем Серебряного века, отдает предпочтение классическим формам и жанрам. Как и Б. К. Зайцев, А. Н. Варламов соединяет документальную точность и романную поэтику, уделяет главное внимание воссозданию внутреннего мира художника, реконструкции его психологического облика, стремясь понять генезис, психологию творчества. Опираясь на многочисленные документальные источники, писатель создает образ человека своей эпохи, в свою очередь оказавшего обратное воздействие на умы современников и читателей последующих поколений. Фактографичность романов-биографий не исключает авторской свободы в плане интерпретации личности художника, стилистической индивидуализации текста. Можно и нужно отметить продуктивность подобного «персонального» подхода и, соответственно, жанра: при всех своих естественных ограничениях такой способ изображения творческой личности позволяет ответить на ключевые вопросы романа-биографии: чем обусловлен тот или иной выбор в жизни и литературе, каковы внутренние мотивы личности, чем вызваны принципиальные творческие решения, как соотносятся эпоха и художник, какие социокультурные факторы и перипетии судьбы повлияли на творчество мастера. Данный жанр позволяет проследить формирование уникальной человеческой личности, ее сложный, нередко трагический экзистенциальный опыт, в котором, как в зеркале, отразилась эпоха. В этом зеркале мы видим и отражение личности самого автора романа-биографии. Таким образом, при всей индивидуальной неповторимости произведений Б. К. Зайцева и А. Н. Варламова, следует сделать вывод о продолжении современным писателем традиции биографического жанра начала XX века и его обновлении в новейшей русской литературе.

Список источников

1. **Алексей Варламов. Нашему народу надо просить у Неба не справедливости, а милосердия** [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharpilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/aleksej-varlamov-.html> (дата обращения: 12.01.2020).
2. **Бег от судьбы. Алексей Варламов – об авторе «Мастера и Маргариты»** [Электронный ресурс]. URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=1568&id=1632 (дата обращения: 11.01.2020).
3. **Варламов А., Рычкова О.** После Распутина уже никто не страшен [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=3882> (дата обращения: 09.01.2020).
4. **Варламов А. Н.** Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. 840 с.
5. **Зайцев Б. К.** Жизнь Тургенева // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1999. Т. 5. С. 19-176.
6. **Мыслью человеческими судьбами. Алексей Варламов – о русской литературе и русских писателях** [Электронный ресурс]. URL: <https://foma.ru/myislyu-chelovecheskimi-sudbami.html> (дата обращения: 05.01.2020).
7. **«Показать восхождение русского человека во всей его полноте»: беседа с писателем Алексеем Варламовым** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/79574.html> (дата обращения: 15.01.2020).
8. **Соколов Б. В.** К вопросу об источниках романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Философские науки. 1987. № 12. С. 54-64.
9. **Соловьев В.** Смысл любви // Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве. Статьи. СПб.: Художественная литература, 1994. С. 298-356.
10. **Степун Ф.** Борису Константиновичу Зайцеву – к его восьмидесятилетию [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/stepoun_vstrechi/7 (дата обращения: 10.01.2020).

Typology of Biographical Genre in the Russian Literature of the XX-XXI Centuries (by the Material of Works by B. K. Zaytsev and A. N. Varlamov)

Kostyleva Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletov
vlsu@vlsu.ru

The article traces evolution of the biographical genre in the Russian literature of the XX-XXI centuries by the example of works by B. K. Zaytsev and his immediate follower A. N. Varlamov. The researcher describes constitutive principles of the biographical genre, emphasizes its syncretic nature, and examines motives for its popularity nowadays. The research objective includes analysing specificity of the modern fictionalized biography in the context of the domestic historical and literary tradition. The comparative analysis of B. K. Zaytsev's and A. N. Varlamov's biographical novels allows concluding about stability of this genre form.

Key words and phrases: biographical novel; fictionalized biography; B. K. Zaytsev; A. N. Varlamov; V. S. Solovyov; M. A. Bulgakov; impressionism; Silver Age; document.

УДК 821.161.1"18-21"

Дата поступления рукописи: 23.03.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.8>

В современном литературоведении стало широко распространенным изучение различных вариантов «тематических текстов», среди которых новым направлением является «китайский текст». В работах российских и зарубежных литературоведов и культурологов «китайский текст» как особое явление специально не рассматривался, хотя количество произведений, в том или ином аспекте описывающих Китай, насчитывает многие сотни. Цель статьи – исследование системы представлений о Китае, сформировавшейся в русской культуре, в связи с чем используются понятия «китайский текст» и «китайский контекст», изучение взаимодействия которых предоставляет уникальную возможность осмысления как национальной специфики русской культуры, так и особенностей традиционной культуры Китая, своеобразно интерпретированных русской литературой.

Ключевые слова и фразы: Россия и Китай; китайский текст; китайский контекст; проблемы межкультурной коммуникации; русская литература XIX века; Китай в русской литературе.

Красноярова Анна Александровна

Наньчанский университет, Китайская Народная Республика
annaparkova1909@gmail.com

«Китайский текст» и «китайский контекст» русской литературы XIX века

Среди многочисленных и разнообразных «сверхтекстов», созданных русской культурой, важное место занимают произведения, в которых появляется описание Китая как особого типа художественного пространства («художественного мира»), рассмотренного в качестве собирательного образа, влияющего на судьбы конкретных персонажей и развитие сюжета. Такие произведения будут рассматриваться нами как единый «сверхтекст» и в дальнейшем называться «китайским текстом» [8, с. 123].

В отличие других пространственных «сверхтекстов» культуры («петербургского», «московского», «венцианского» и др.), достаточно хорошо изученных российскими литературоведами в 1990-2000-е гг. [11; 17], «китайский текст» связан не столько с изображением того или иного «локуса» (художественного пространства или образов людей, населяющих его), сколько со стремлением раскрыть специфику *особого типа цивилизации*, отличного от более знакомого для России «западного» («европейского») пути.

«Китайский текст» был изначально соотнесён с многочисленными политическими, историческими, религиозно-философскими, правовыми, литературными и бытовыми *контекстами*, которые оказывали существенное воздействие на представления российской образованной публики о Китае. По этой причине «китайский текст» в русской культуре рассматривался не как *художественное* явление, а преимущественно как иллюстрация тех или иных политических и историко-культурологических аспектов [9; 10; 14].

Литературоведческие исследования «китайского текста» русской литературы как целостного явления практически не проводились. Отдельные работы в этом направлении касались изучения образов Китая и китайцев в отдельных конкретных произведениях русской литературы [2; 12] или описания художественных функций тех или иных концепций [19] – в частности, представлений о развитии России.

Вопрос об особенностях художественного восприятия Китая ставился в работах, посвящённых изучению поэтики литературы русского восточного зарубежья (творчеству писателей, относящихся к харбинской и шанхайской диаспорам). Российские [16; 21] и китайские [22] литературоведы отмечали, что писатели-эмигранты стремились изучить и понять страну, в которой волею судьбы они оказались, и выразить участие в тяжёлой судьбе китайского народа.